

Секция «История»

Греческий проект, панславизм и историософия Ф.И. Тютчева в контексте истории Восточной Европы.

Павлов Вячеслав Викторович

Аспирант

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, сектор этносоциологии, Москва, Россия

E-mail: lava1616@rambler.ru

По мнению мыслителя, разрыв Папства в 1054 г. с истинным, восточным, Христианством, узурпация католическим Римом светской власти нарушили гармонию Веры и Государства («Богу – Богово, кесарю – кесарево»), исказили истину Нового Завета. Такое положение вещей закономерно привело к Реформации и Революции. Протестантизм, отрицая жёсткую иерархию Ватикана, провозгласил отказ от Св. Предания и традиций Церкви, объявил о ненужности посредников между верующим и Богом. Логическим продолжением изменения европейского массового сознания стало отрицание монархий («Старого порядка» феодальной Европы), проявившееся в Английской и Французской Революциях. На смену королевствам пришло национальное государство. Но и оно будет лишь вехой на пути дальнейших глобальных трансформаций. Этот процесс сопровождается распространением атеизма, индивидуализма, эгоизма и потерей Европой христианской идентичности.

Единственной альтернативой, с точки зрения Тютчева, тенденции духовного вырождения Запада является Россия – и как политический гарант европейской стабильности, защитник элит от красного демона Революции, и как хранитель евангельских истин, незамутнённых своеволием Понтифика (порок католицизма) или духовной ограниченностью обывателя (порок протестантизма). Мыслитель, борясь с европоцентризмом западного сознания, вводит термины «Другая Европа» и «Другая Россия». В первом случае подразумевается, что Православная Империя может предложить миру иную, отличную от западной, версию мирового развития; вариант модернизации, основанный на совершенно другом, но от этого не менее законном видении мира. Во втором, - что Восточная Европа, подконтрольная в тот период Османской и Австрийской империям – естественное продолжение России в западном направлении. Петербургская империя сер. XIX века – лишь предтеча России будущего, в этом её главное предназначение.

Стоит отметить, что Тютчев не считал Революцию чем-то, абсолютно враждебным России. Скорее, она была фактором нестабильности, который позволял Петербургу влиять на Запад либо внутренне ослаблял этот Запад, разрушал его изнутри, если романо-германская Европа объединялась против России.

В тютчевской публицистике значительное место занимает тема Константинополя и возвращения Россией византийского наследия. Эта тема является продолжением и развитием «греческого проекта» Екатерины II. В русской литературе, пожалуй, впервые идея геополитического выхода Православной империи в Восточное Средиземноморье и овладения Балканами была озвучена в 1760-1770-х гг. в одах покровительствуемого Г.А. Потёмкиным поэта В.П. Петрова. В монографии А.Л. Зорина «Кормя двуглавого орла» исследуется связь отечественной литературы с идеологией и внешней политикой в период последней трети XVIII – первой трети XIX столетий (от Екатерины II до Николая

1). Представляет интерес отражённое в работе восприятие сознанием екатериненской элиты завоёванного Крыма как преддверия и Греции, и Европы. Ведь побережье этого полуострова с античных времён было населено греками и тем самым имело прямое отношение к балканской культурной ойкумене. Точно также и приобщение Руси к христианству шло через Крым. Таким образом, включение Крыма в состав Российской империи имело огромное символическое значение, поскольку позволяло рассматривать его как первую часть византийского наследия, ключ к Восточному Средиземноморью, а также как символическое приобретение прав на управление сакральной территорией европейской культуры. Надо отметить, что с эпохи Ренессанса греческая античность рассматривалась как золотой век искусства и науки, как период, без которого не могла бы состояться европейская цивилизация. Для XVIII столетия – века Просвещения, это отношение к Греции было особенно характерным. Так, Вольтер часто писал российской государыне о её миссии вернуть свободу той земле, что подарила человечеству Платона и Аристотеля, Гомера и Гесиода, Фидия и Геродота. Очистив Балканы от турок, вернув Стамбулу имя «Константинополь» официальный Петербург смог бы резко изменить свой статус. Из полуварварской империи на восточных границах Европы монархия Романовых превратилась бы в покровителя и исторический центр Цивилизации. Она как бы повторила опыт Священной Римской империи Германской нации, подчинившей себе большую часть Апеннинского полуострова и обеспечившей себе легитимность через одновременное приобщение и к центру Западного Христианства и к реликвии государственного величия Рима. Екатерина II, имея немецкое происхождение и испытывая склонность к историческим параллелям, хорошо понимала те возможности, что открывались для России в случае перехода Царьграда и европейской части Османской империи, если и не в подданство, то, хотя бы в сферу влияния.

Юго-западное направление экспансии «северной цитадели православия» было намечено в правление Софьи, более чётко выражено Прутским походом её брата и позволяло сначала Москве, а потом Петербургу, не только присоединить новые земли, но и приобщиться к европейской политике, повысить свою значимость в глазах христианского мира. Напомню, что брак Ивана III на Софье (Зое) Палеолог был осуществлён при активном содействии папской курии, надеявшейся с помощью военной мощи православного государя спасти Вечный город и, шире, Запад от османских орд. Таким образом, осознание возможности и важности приобщения к Европе через войны с Турцией, пришло в Россию из католического Рима. Роль Рима православного, более легитимного в имперском смысле и более древнего в смысле культурном, мог сыграть Константинополь. Нельзя не сказать, что в дальнейшем вопрос контроля над Босфором и Дарданеллами сохранял для России первостепенное значение вплоть до середины XX века (времени развития авиации и появления ракетного оружия), вопрос о покровительстве восточным христианами (не только православным, но и дохалкидонским церквям) – до 1917 года, а вопрос интеграции в Европу продолжает сохранять актуальность и в настоящее время. То важное значение, которое придавалось покорению Крыма как начальному этапу освобождения Константинополя и приобщения к эллинскому прошлому европейской культуры, отражено в целенаправленном заселении пустующих земель Северного Причерноморья греками, армянами, болгарами, сербами т.е. теми народами, большая часть которых проживала на территории Порты. Помимо этого, для усиления символических связей России и Греции возвращались античные названия городам Крыма,

давались грекоязычные топонимы основывавшимся поселениям (Херсон, Севастополь, Симферополь, Мариуполь, Мелитополь, Никополь, Евпатория, Феодосия и т.д.). Старший и средний внуки Екатерины Великой получили имена в честь Александра Македонского и Константина Великого, что контрастировало с принятыми в XVIII веке у Романовых династическими именами Петра и Павла.

Причиной изменения традиции была перспектива совместного с Австрией завоевания Балканского полуострова и основания Греческого царства, на трон которого должен был взойти Константин (возрождение Константинополя под скипетром Константина). Именно в этой связи надо воспринимать последующие русскую оккупацию острова Корфу при Павле I и греческое восстание при его сыне Александре. Причём, негативное отношение последнего к эллинскому мятежу уже не могло изменить ситуации, поскольку восстание (осуществлённое под руководством русского подданного А. Ипсиланти – адъютанта Его Величества) лишь продолжило движение по той геополитической траектории, что была задана ещё при Екатерине II. Пришествие России на Балканы могло быть осмыслено как возвращение Православной Империи, нашедшей временный приют на Севере, в лесах Московии, и теперь обретающей своё истинное место. В то же время оно повторяло внешнеполитические устремления киевского князя Святослава и выражало давнее стремление славяно-норманской (германской) государственности приобщиться к древним центрам культуры и цивилизации.

Со стратегической точки зрения овладение Царьградом создавало предпосылки для дальнейшего подчинения Рима и возвращения Иерусалима, т.е. не только «прорубания окна» в Европу с юго-восточного направления, но и приобретения одного из трёх её сакральных центров, а в дальнейшем, возможно, и доминирования над континентом через воссоздание византийского универсума в новых исторических условиях. Два других вектора возможного движения России на Запад (северо-западный – Скандинавия + Балтика и западный – Польша, Германия, Австрия) заметно проигрывали средиземноморскому, вследствие худших природных условий,

наличия эффективных современных армий, отсутствия мощной символической значимости, религиозно-культурной чуждости населения). Последующие геополитические шаги России (многочисленные русско-турецкие войны и связанные с ними восстания балканских народов, даже пожар I-й мировой, вызванный сараевским инцидентом) и историософские размышления её лучших умов (Ф.И. Тютчев, П.Я. Чаадаев, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв и многие другие) шли в том русле, что было прочерчено «греческим проектом» Екатерины II.

Романовская Империя в 1-й половине XIX века воплощала в себе мощь православного Востока (Другой Европы) и защитника Старого Порядка на континенте.

Получив отпор от объединённого Запада, прежде всего его элит, в виде Крымской войны и Парижского трактата, а позже и Берлинского конгресса, Россия (вполне в духе мысли Фёдора Ивановича Тютчева) трансформировалась и вернулась в Европу, взяв в союзники Революцию. Достаточно вспомнить Коминтерн, а позже таких революционеров – союзников Красной Империи как Фидель Кастро, Хо Ши Мин, Нельсон Мандела, Гамаль Насер, Муамар Каддафи. При этом сам СССР довольно быстро из страны, где рушились основы привычного социума и создавались авангардные модели общества, неожиданно эволюционировал во вполне консервативное и жёстко иерархизированное государство. Тем самым продемонстрировав неизбежность для любой Революции пу-

тешества по ленте Мёбиуса. Место Людовика XVI после Робеспьера занял Наполеон, Карла I после парламента – Кромвель, Николая II после Ленина и Троцкого – Сталин. Ту функцию, которую при Романовых выполняло во внешней политике России Православие, при большевиках стал выполнять коммунизм, а позже, начиная с Хрущёва – поддержка национально-освободительных движений. Точно также можно увидеть геополитическую преемственность между следующими историческими фактами: переговорами о признании главенства Русской Православной церкви над восточными христианами (копты и ассирийцы) во II-й пол. XIX в., еврейской иммиграцией (при поддержке Москвы) в Палестину в 20-е гг. XX в., советской поддержкой создания государства Израиль в 1947 г. и феноменом арабского социализма (Египет, Сирия, Ирак, Алжир, Юж. Йемен, Ливия) в эпоху «холодной войны» между Западом и Россией. Т.о. мы видим, что несмотря на смену идеологий, экономических и политических систем, Держава решает свои задачи. Разница лишь в способах решения этих задач и союзниках в регионе.

С точки зрения Тютчева Крымская война 1853-56 гг. (Британия, Франция, Турция и почти Италия), Тройственная агрессия Англии, Франции и Израиля против «красного» и просоветского Египта Г.А. Насера (ровно через 100 лет после падения Севастополя), вторжение НАТО в Ливию в 2011-м (Британия, Франция, Италия) – не что иное как разные этапы одной и той же борьбы между Западом и Россией за право представлять Абсолютный Дух и формировать будущее мировой истории.

Если же вернуться к Восточной Европе и Балканам, то тенденция к росту Московского государства на Запад определилась уже при Иване Грозном (Ливонская война), была закреплена Переяславской Радой и стала очевидной после ликвидации Речи Посполитой. Россия оказалась единственной славянской державой, центром притяжения для нетитульных христианских народов Османской и Австрийской империй. Заинтересованность восточноевропейцев в экспансии России проявилась уже в XVII веке, когда Юрий Крижанич приехал в Москву. В дальнейшем, Сербия и Чехия были постоянными очагами русофильских настроений, а Греция первой из стран региона добилась независимости. Напомню, что возглавивший её Александр Ипсиланти был личным адъютантом Александра I. И хотя основатель Священного Союза из легитимистских соображений осудил повстанцев Эллады, остановить начатый ещё Екатериной II процесс движения России к Средиземноморью был уже не в силах. Другой пример присутствия Петербурга на Балканах – Черногория, управлявшаяся митрополитом. Начиная с Петра I вплоть до Октябрьской революции она получала регулярные дотации зерном и деньгами, будучи, по сути, российской пятой колонной в тылу геополитических противников: сначала Порты, затем Венского Двора. Именно поэтому Александр III, в своё время, поднял тост за короля Черногории – «единственного искреннего друга России».

Однако, пробуждение малых народов восточной окраины Европы оказалось менее предсказуемым, чем ожидалось. Новые государства нередко оказывались в орбите Лондона, Парижа и Вены по причине их экономической, политической и информационной привлекательности. Так, Греция, несмотря на православие и русофилию населения, сразу же после включения в «европейский концерт», стала играть в унисон с Британией и Францией; до сих пор она геополитически весьма далека от России. Румыния, получив независимость как результат русско-турецких войн, тут же перевела письменность с кириллицы на латиницу. Таким образом, сложилась ситуация, когда Православное

Царство Востока выступало тараном против традиционных государств региона ради усиления Запада. Ставка на элиты новых стран не всегда себя оправдывала в отсутствии привлекательной идеологии и современной экономики. Первой попыткой создать такую идеологию была уваровская триада «Православие, Самодержавие, Народность» - результат недоверия Николая I к дворянским верхам и стремления расширить социальную базу власти.

Советская Россия, приручив «Красного демона Революции», создала идеологически привлекательную модель для культурно-близких народов. Более того, на самом Западе вплоть до XX съезда значительная часть интеллигенции считала Россию страной будущего. Сталинская модернизация ценой больших жертв позволила аграрной стране построить современную экономику, создать атомное оружие и вывести человека в космос. Совмещение в глобальной стратегии СССР идей национализма и социализма, идеалов Свободы и Равенства выгодно отличало Россию XX века от России века XIX. Разгром III Рейха позволил создать на Востоке Европы пояс государств-сателлитов, который американский политолог и дипломат Генри Киссинджер назвал «неформальной империей Сталина». Однако, удивительным образом, эта «неформальная империя» оформилась на территориях Византии и славянских племён раннего Средневековья, что убедительно показал евразиец Г.В. Вернадский. Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, объединённые в СЭВ и ОВД, вместе с провозгласившими курс на социализм Югославией и Албанией, были коммунистической реализацией проектов консерватора и тайного советника Тютчева. Близость к СССР в 20-е латицистской Турции (символически, к слову, даже перенос столиц с западных окраин в центр страны: Петроград – Москва, Стамбул – Анкара) и приход к власти в странах Магриба и Ближнего Востока сторонников Советского Союза – борцов за арабский социализм, попытка создать «Красный Халифат» (Объединённая Арабская Республика) в ключевой зоне Палестины и Суэца можно считать тенденцией реализации идей вице-канцлера о России-3, воссоздающей контуры Pax Romanus и Pax Visantus, в новом, более адекватном запросам эпохи, идеологическом обрамлении

Источники и литература

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – 1-я пол. XIX в.) – М.: Наука, 1985
2. Валицкий А. Россия, католичество и польский вопрос – М.: Изд. Моск. ун-та, 2012
3. Воробьёва С.А. Философско-исторические идеи в России (1830-1850-е годы) – СПб.: Изд. СПбГУ, 2010
4. Зорин А. Кормя двуглавого орла... - М.: НЛО, 2004
5. Киссинджер Г. Дипломатия. - М.: Ладомир, 1997
6. Кожин В.В. Тютчев – М.: Мол. гвардия, 2009
7. Малинов А.В., Прохоренко А.В. Философия истории в России. – СПб.: Европейский дом, 2010

Конференция «Ломоносов 2013»

8. Тарасов Б.Н. Историсофия Тютчева. – , 2005. СПб.: Алетейя, 2006
9. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма. Т.3. – М.: Изд. центр «Классика», 2003
10. Янов А.Л. Загадка николаевской России. 1825-1855. – М.: Новый хронограф, 2007